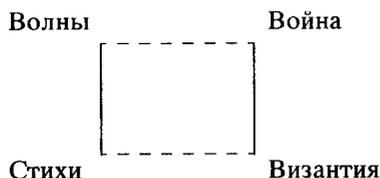

тийские монахи – навязали языку чужой дух и чужое обличье”; это оказало глубокое негативное воздействие на поэтическую речь: “Все, что клонится к обмирщению поэтической речи, то есть к изгнанию из нее монашествующей интеллигенции, Византии, – несет языку добро...” [2, с. 208]. Тут не место обсуждать эти мысли по существу – ясно лишь, что они связаны с верностью Мандельштама своему старому акмеистскому полку. Важнее другое: статья показывает, что в “Волнах” Мандельштам мог иметь в виду не только политическое наследие Византии, отошедшее к Москве после взятия Константинополя, но и поэтическое. Это дает нам увязку византийского и стихослагательного плана “Волн”.

В этом квадрате все смысловые вершины теперь увязаны между собой. Могут спросить, какая же из них главная и как все-таки читать такие стихи? По-видимому, их лучше вообще не читать, а слушать, ибо они построены по принципу контрапункта – одновременного ведения нескольких тем⁶. А уж если читать – то так, как дирижер читает партитуру, следя за всеми мелодиями одновременно.

Мандельштам, как мне кажется, проговорил свой принцип еще в статье “О природе слова” – точнее говоря, *проговорился*, излагая философию Бергсона: “Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умпостижаемому свертыванию” [2, с. 173]. В этом тексте Мандельштама – ключ к его “поэтике веера”. То, что поэт риторического склада изложил бы *последовательно*, Мандельштам излагает *параллельно*. Скажем, прозаический сюжет “Волн” в риторической поэзии мог бы развиваться примерно так⁷:

⁶ О принципе контрапункта – “тематического голосоведения, столь же характерного для новой поэзии, как и для новой музыки” – см. в черновиках Мандельштама к “Заметкам о Шенье” [10, с. 268].

⁷ Разумеется, это рискованный опыт, в котором не обойтись без огрубления и домисливания. Зато читатель, любящий конкретность, сможет рассмотреть на примере, как “развертывается во времени” веер смысла.

Бегут волны, волна за волной, нагоняя и срывающая друг друга. С их гребней срываются бризги – миллионы разъятых частиц стихии, –

словно солдаты бросаются на штурм крепости, карабкаются по приставным лестницам и срываются в ров, и новые ряды солдат идут им на смену.

Так поэт бросает в атаку новые и новые волны слов, и они, как янычары, не помнящие происхождения, но верные новой присяге, идут на штурм и разбиваются вдребезги по приказу своего мнительного султана.

Так волны янычар или на приступ Константинополя, Города Луны, вечно притягивающего, как луна, волны взмятенных народов. Луна затмевается, город обречен. Скопцы императора разносят яд.

Но сквозь мглу гибели мерещится начало: зубчатая стена Кремля, нового Константинополя, которая построится, когда византийская принцесса прибудет в Москву, и византийские нравы вместе с византийским слогом воцарятся в “третьем Риме”.

Подвергните эти “строфы”, как створки веера, “умопостижаемому свертыванию”, замените здесь последовательное изложение на одновременное – и вы получите мандельштамовские “Волны”.

4. НАКАЗАННОЕ МОРЕ

Итак, если считать доказанной византийскую тему “Волн”, можно вписать недостающий элемент в таблицу и сопоставить ее первый ряд со вторым.

<i>Йейтс</i> Плавание в Византию (1926)	<i>Мандельштам</i> Айя-София (1912)
<i>Йейтс</i> Византия (1932)	<i>Мандельштам</i> (Волны) (1936)

Византийский дистих Йейтса составляют два контрастирующих стихотворения. В первом из них, “Плавание в Византию”, поэт стремится в идеальную страну мудрости и красоты; лучшим комментарием к этому поэтическому миру служат строки Йейтса из его книги “Видение”: “Мне кажется, если бы мне предложили провести месяц в древности, отдав на выбор время и место, я бы